

«Мертвая душеада»: функциональные диады персонажей поэмы Н. В. Гоголя

Трехчастность гоголевской поэмы, несомненно, связана с влиянием поэмы Данте, отсюда и жанровое своеобразие «Мертвых душ», отсюда и аналогия с Адом, Чистилищем и Раем. Разумеется, значительное влияние на Гоголя оказало и православное понимание Божественной Троицы. И, наконец, сказывается влияние немецкой классической философии (ею Гоголь увлекался в 1830-е годы), в которой важное место занимает диалектическое понятие триады.

Троичная форма была самой совершенной для Гоголя, задумавшего поэму в трех частях. Так как поэма осталась незавершенной (третий том, по всей видимости, так и не был написан, а беловой вариант второго был сожжен), то нельзя со всей уверенностью заявить, что персонажи различных томов должны были сформировать функциональные триады. Однако с помощью имеющихся в нашем распоряжении первого тома и сохранившихся глав второго можно выделить ряд объединенных функциональными характеристиками диад персонажей «Мертвых душ».

Первую такую диаду – *диаду безличности** – составляют Манилов и Тентетников. Прежде всего, необходимо отметить сходство описания автором ничем не примечательных характеров своих персонажей: «Один Бог разве мог сказать, каков был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» [2, с. 25] (ср.: «...в существе своем Андрей Иванович был не то доброе, не то дурное существо, а просто – коптителъ неба. Так как уже немало есть на белом свете людей, коптящих небо, то по-

* Ср. с типом «небокоптителы чувствительные», относящимся к типологии характеров гоголевских героев, которую предлагает В. Ф. Переверзев [1, с. 380–385]. Переверзев рассматривает образ Манилова как художественную реализацию типа чувствительного небокоптителы в его элементарной форме – «бессознательно-ленивой чувствительности», а образ Тентетникова – как художественную реализацию этого типа на более высокой ступени развития – «сознательно-деятельной чувствительности» [Там же, с. 390]. Но В. Ф. Переверзев дает социологический анализ этих образов Гоголя, полагая, что «независимо от степени духовного развития кроткий, чувствительный характер совершенно меняет свою физиономию, как только меняется его социальное положение» [Там же, с. 391].

чему же и Тентетникову его не коптить?» [Там же, с. 231]). Оба эти героя бездеятельны и имеют склонность к пустым мечтаниям. В кабинете Манилова уже два года лежит заложенная на одной и той же странице книжка* [3]. Тентетников читает книги «вместе с супом, соусом и жарким» [2, с. 232], вместо того, чтобы писать свой труд, который Андрей Иванович задумал давно, но к написанию которого так и не приступил. Грандиозность замыслов в сочетании с пустым времяпровождением – «насориванием всюду трубочной золы» [Там же, с. 231] (ср.: любимое занятие Манилова – расставление ровными рядками горок золы, выбитой из трубки), глядением в окно, игрой в шахматы с самим собой напоминает неосуществимость маниловских планов. И Манилов, и Тентетников принадлежат «к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена – увальни, лежебоки, байбаки и тому подобное» [Там же, с. 232]. Вместе с тем, в отличие от Манилова, Тентетников замечает хозяйственный хаос в своем поместье и страдает от этого: слышит, как дворня называет приказчика вором (ср.: Манилов даже не вмешивается в дела и предоставляет распоряжаться ими на усмотрение своего вороватого приказчика), видит постоянные драки и свары пребывающих в праздности неряшливых крестьянок (ср.: перебранка баб, волокущих изорванный бредень в пруду около усадьбы Маниловых). В самом Манилове нет никакого «задора», в Тентетникове же возбуждено честолюбие, но он не знает, как применить себя: нет ни знаний, ни терпения, ни воли. Сначала он берется за переустройство своего хозяйства, но первые же неудачи заставляют его отступить от своих планов – «предоставить государству триста исправнейших, трезвых, работающих подданных» [Там же, с. 238–239]. В Тентетникове «не успел образоваться и окрепнуть начавший в нем строиться высокий внутренний человек» (влияние наставника Александра Петровича), «богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и теперь, без упругости, бессильна его воля» [Там же, с. 244].

Вторую диаду – *диаду бездушной невежественности* – составляют Собакевич и генерал Бетрищев. Они даже внешне чем-то похожи: оба обладают внушительным телосложением. И Собакевичу, и Бетрищеву свойственна бестактность, а в неделикатности обращения с Чичиковым

* Примечательно, что книга, лежащая на столе у Манилова, заложена именно на четырнадцатой странице, «не пятнадцатой, которая могла бы создать впечатление, что здесь читают хотя бы по десятичной системе, и не тринадцатой – чертовой дюжине, а на розовато-блондинистой, малокровной четырнадцатой – с таким же отсутствием индивидуальности, как и сам Манилов» [3, с. 99].

Бетрищев, переодевающийся при госте, даже превосходит неуклюжего, наступающего на ноги Собакевича*. И Собакевич, и Бетрищев любят важничать, оба не терпят возражений. В разговоре с Чичиковым Собакевич клеймит просвещение, Бетрищев любит «знать то, чего другие не знают», и не любит «тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает» [2, с. 258]. Генерал Бетрищев не выносит всех, которые «ушли вперед его по службе... Выражался о них едко, в сардонических, колких эпиграммах» [Там же, с. 257]. Собакевич вообще не любит ни о ком хорошо отзываться. Но если Собакевич увешивает стены своей гостиной портретами полководцев, то для Бетрищева военная служба становится делом его жизни. Генерал Бетрищев является чуть более образованным «человеком-кулаком» [Там же, с. 99], как окрестил Собакевича Гоголь (ср.: «А разогни кулаку один или два пальца, выйдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку» [Там же, с. 100]). В отличие от Собакевича, Бетрищеву чужды делячество, поиск всюду собственной выгоды. Он с восторгом принимает вымысел Чичикова о несуществующем дядескряге, которого можно обмануть, представивши ему список умерших крестьян. Собакевич же абсолютно равнодушен ко всему, что не связано с его выгодой: «Собакевич слушал все по-прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось на лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного Кашея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности» [Там же, с. 95]. В отличие от бездушного Собакевича, Бетрищеву не чужды способность к самопожертвованию, храбрость, ум, но ко всем его достоинствам примешиваются и недостатки: честолюбие, эгоизм и самолюбие.

Третью диаду – *диаду суетности* – составляют Ноздрев и Петр Петрович Петух. Наделенные завидным здоровьем, эти герои тратят свою жизнь, драгоценный дар Божий, впустую, стремясь к удовольствиям и развлечениям. Ноздрев и Петух беспечны: один превратил

* Неловкость Собакевича имеет природный характер: «Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему... показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги... Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем» [2, с. 89].

свою жизнь в постоянный кутеж, а другой – в бесконечное пиршество, они не думают о будущем своего рода (у каждого из них по двое детей). И в том, и в другом герое сильно животное начало, которое не дает развиваться духовному. Каждый из них подвержен захватившей все их существо страсти: Ноздрев – страсти к лжесвидетельству, Петух – к чреугодию. При всей внешней суетливости Петуха, перед ним в большей степени, чем перед Ноздревым, открыты пути к возрождению. В отличие от периодически впадающего в страшный гнев и буйство Ноздрева, который имел «страстишку нагадить ближнему иногда вовсе без всякой причины» [Там же, с. 68], Петух гостеприимен и «добр душой» [Там же, с. 273]. Не случайно именно Петр Петрович Петух устраивает ночное гуляние на лодках с народными песнями, которые вызывают у Чичикова чувство беспредельности Руси, ощущение, что «он русский» [Там же, с. 290].

«Неугомонная юркость и бойкость характера» Ноздрева [Там же, с. 69] и необычайная энергичность и беспрестанная хлопотливость Петуха соответствуют пустой и суетливой жизни этих помещиков. Каждому из них, словно для контраста, сопутствует аморфный человек – это зять Ноздрева *Мижув* и гость Петуха *Платонов*. Эти персонажи составляют еще одну диаду – *диаду безжизненной вялости*. Мижув абсолютно безволен и относится к тем людям, которые «согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовут умным и пойдут потом поплясать под чужую дудку» [Там же, с. 66]. Платонов же страдает от беспрестанной скуки, хоть и стремится ее развеять, поэтому соглашается на путешествие вместе с Чичиковым.

Следующую диаду – *диаду власти* – составляют губернатор, герой первого тома «Мертвых душ», и генерал-губернатор, персонаж второго тома. Оба они облечены властью, обоим заботит один и тот же вопрос – как поступить с Чичиковым. Но если мягкосердечный губернатор города N только отказывает Чичикову от дома, то строгий и справедливый генерал-губернатор сажает его в острог и выпускает из тюрьмы только благодаря заступничеству Муразова. В отличие от равнодушного к лести губернатора, генерал-губернатор, имеющий титул князя, не выносит угодничества и с отвращением прогоняет павшего к его ногам Чичикова. Характерно, что князь прислушивается к советам Муразова, имя которого представляет собой анаграмму: Муразов – Разумов [4, с. 475]. Губернатор же не имеет достойного советника, окружение его не блещет умом. «Высшее общество» города поначалу приняло Чичикова с восторгом. Примечательно, что из комплиментов, которыми городские

чиновники наградили Чичикова*, обсуждая между собой нового знакомого, самым близким к истине было то, что сказал о нем прокурор: «дельный человек» [2, с. 21]. Действительно, Чичиков заводит именно деловые знакомства, выспрашивая у приглашенных на вечер к губернатору о состоянии их поместий, а только потом интересуясь об их именах и отчествах. После того, как имя Чичикова оказывается вовлеченным в многочисленные сплетни, связанные с историями о мертвых душах и об увозе губернаторской дочки, чиновники выдвигают самые различные версии о сущности Чичикова, но так ни к чему и не приходят. Эти версии фантастичны не столько из-за того, что действительные факты оказываются искажены слухами, сколько из-за того, что никто из этого общества серьезно не задумывается, какая цель двигала поступками Чичикова. Единственный человек, который начинает *думать*, – это прокурор, но умственное усилие настолько непривычно для него, что он умирает. Эта смерть приобретает символическое значение: обнаруживается, что у прокурора была душа, «хотя он по скромности своей никогда ее не показывал» [Там же, с. 191]. Смерть прокурора вскрывает трагедию скрытой душевности, не одухотворенной мудростью. Прокурор не смог стать советником губернатора, но для генерал-губернатора им стал Муразов – человек, сочетающий в себе мудрость и высокие движения души: сострадание и умение увидеть в грешнике лучшие качества, дающие надежду на его исправление.

Еще одну диаду – диаду *рачительного хозяина* – составляют Плюшкин и Констанжогло. Ю. Манн обращает внимание на то, что Плюшкин – это единственный из помещиков первого тома «Мертвых душ», у которого есть прошлое**. «Ранний» Плюшкин сродни Констанжогло: «было время, когда он был бережливым хозяином! Был и семьянин, и сосед заезжал к нему учиться мудрой скупости» [2, с. 110]. Характерно, что приехавший к Констанжогло Чичиков просит поучить его хозяйс-

* «Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты – что он знающий и почтенный человек; полицмейстер – что он почтенный и любезный человек...» [2, с. 21].

** Действительно, «о прошлом Коробочки известно лишь то, что у нее был муж, который любил, чтобы ему чесали пятки. О прошлом Собакевича не сообщается ничего: известно лишь, что за сорок с лишним лет он еще ничем не болел и что отец его отличался таким же отменным здоровьем. “Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в восемнадцать и в двадцать...” Манилов, говорится мельком, служил в армии, где “считался скромнейшим и образованнейшим офицером”, то есть тем же Маниловым... Иное дело – Плюшкин» [5, с. 279].

твенной мудрости: «Мудрости управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобрести имущество не мечтательное, а существенное» [Там же, с. 396]. Хозяйство молодого Плюшкина не приносило такого фантастического дохода, как у Констанжогло, но трудом и стараниями помещика было хорошо налажено. Жена Плюшкина, славившаяся хлебосольством, была приветлива и говорлива (ср.: супруга Констанжогло приветлива, разговорчива и весела). Плюшкин мог стать таким же славным хозяином, как и Констанжогло: в прошлом «в глазах Плюшкина был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю приятно было его слушать» [Там же, с. 110]. Впрочем, «ранний» Плюшкин уже в молодости имел предрасположенность к скупости. Сам Гоголь сравнивает этого бережливого хозяина с пауком, хлопочущим в своей паутине (ср.: пыльное и заросшее паутиной жилище состарившегося Плюшкина). Фамилия этого героя происходит от «плюшки» – «нечто сплющенного, незначительного» [6], что символизирует его мелочность, которой отмечена его бережливость, доходящая до неразумия: его богатство тлеет и разрушается. Но, тем не менее, именно ему предстояло в первую очередь возродиться в образе мудрого, аскетичного, но не скупого хозяина, заботящегося о процветании своего имения. Не случайно Плюшкин оживает при воспоминании о приятеле молодости, не случайно первый вариант фамилии *Констанжогло* (фамилия коррелирует с именем *Константин*, в котором присутствует семантика постоянства) был *Скудронжогло* (фамилия созвучна слову «скудный»).

И, наконец, последнюю диаду – *диаду обольстительной девы* – составляют губернаторская дочка и Улинька Бетрищева. Их внешнее сходство несомненно: «воздушность» Улиньки, которая сравнивается с «прозрачной картиною, освещенной сзади лампою» [Там же, с. 260], напоминает черты молоденькой институтки, овал лица которой «круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то *прозрачной белизною*, когда свежее, только что снесенное, оно держится против света в смуглых руках испытующей его ключницы и *пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца*» [Там же, с. 85]. Обе девушки производят завораживающее впечатление на Чичикова. Когда он увидел прекрасную губернаторскую дочку, то «ему показалось, как сам он потом сознавался, что весь бал, со всем своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали; скрыпки и трубы нарезывали где-то за горами, и все подернулось туманом, похожим на небрежно замалеванное поле на картине», из которого «выходили ясно и оконченно только одни чер-

ты увлекательной блондинки» [Там же, с. 155]. Как оторопелый, Чичиков смотрит на ослепительное видение, поразившее его своей стремительностью, – Улиньку*. Обе девушки привлекательны своей юностью и чистотой, но губернаторская дочка – это еще не сформировавшаяся личность, как тонко подмечает Чичиков, «из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти дрянь». Улинька выше духовно – в ней естественно проявляется христианское чувство сострадания к ближнему и обостренное чувство справедливости, а люди рядом с нею становятся чище и просветленнее.

Кроме функциональных диад, в «Мертвых душах» имеет место одна триада – *триада странников*. Ее составляют Чичиков со своими слугами Селифаном и Петрушкой. *Три* странствующих героя путешествуют в коляске, запряженной *тройкой* лошадей, которая символизирует саму святую Русь: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи... Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?» [2, с. 225].

Таким образом, в «Мертвых душах» Гоголя персонажи разных томов составляют функциональные диады, которые задуманы как элемент триад. Диады Гоголя отмечены духовным ростом (от первого тома ко второму) составляющих их типов персонажей.

-
1. *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реализма. М., 1989.
 2. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1994. Т. 5.
 3. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М., 1998.
 4. См.: *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
 5. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996.
 6. *Михайлов В. Н.* Роль собственных имен в произведениях Гоголя // Рус. яз. в школе. 1954. № 2.
 7. *Лотман Ю. М.* О русской литературе. СПб., 1997.

* «Постоянная игра между организованным и вариативным составляла для Гоголя основу самой жизни. Идеал этот воплощался в живом образе прекрасной женщины, которая, постоянно меняясь, все время остается сама собой» [7, с. 711]. М. Вайскопф доказывает, что стремительность Улиньки – это показатель масонского генезиса ее образа (Улинька – София), так как «мысль ее не принимает формы рассудочного теоретизирования, а по-софийному мгновенно превращается в слово и движение» [4, с. 470].